

Роль Русской православной церкви в формировании политических нарративов в годы Великой Отечественной войны

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования государственно-религиозных отношений в советский период прежде всего в свете трансформации государственной политики в отношении религии в период Великой Отечественной войны. В это время важной составляющей патриотического дискурса становятся образы «святой Руси», обращение к героическим персонажам русской истории и культуры, делается акцент на духовном наследии и преемственности поколений. Анализируется проблема исполнения религией идеологических функций, в том числе на примере сформировавшейся в военные годы модели, которая сохраняла свою актуальность и впоследствии, вплоть до конца советского периода. Более того, эта модель в определенной степени повлияла и на современность. Делается вывод о том, что в период Великой Отечественной войны в СССР появилась (и в дальнейшем укреплялась) новая модель взаимоотношений государства и Русской православной церкви, с одной стороны, противоположная дореволюционной модели «симфонии», однако, с другой стороны, включившая ранее «господствовавшую» церковь в систему государственной власти на совершенно непривычных для нее условиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, государственно-религиозные отношения, советское право, религия и политика, Русская православная церковь, политическая религия, религия и идеология

**Юрий Валерьевич
ЗУДОВ,**

доцент кафедры истории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
главный советник
Управления Президента РФ
по внутренней политике,
кандидат исторических
наук

yury.zudov@mail.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.124.12.187-195

Yury V. ZUDOV,

Associate Professor, Department of History of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
Chief Adviser, The Presidential Executive Office
of Russia on Domestic Policy,
Cand. Sci. (History)

yury.zudov@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Role of the Russian Orthodox Church in Shaping Political Narratives During the Great Patriotic War

Abstract. The article focuses on the issues of state-religious legal regulation in the Soviet period, including a significant shift in the state religious policy during World War II. The narratives of “the Holy Rus”, great heroes of the Russian

© Зудов Ю. В., 2024

history and culture, the emphasis on spiritual heritage and succession of generations became the essential part of the patriotic discourse. The author examines the question of political and ideological role of religion, taking into account the specific model of state-church relations, which originated in the 1940s, but had been implemented throughout the whole Soviet period, and thus had an impact on the contemporary legal regulation. The author states that the 1940s represent a specific period in the history of Soviet law on religion, when the old (imperial) model of "symphony" between state and church had been gradually replaced by a completely different model. The Soviets discovered that religion in general, and the Russian Orthodox Church in particular, played an important social role, and that it had to become subject to state supervision.

Keywords: *The Great Patriotic War, state and church relations, Soviet law, religion and politics, Russian Orthodox Church, political religion, religion and ideology*

Изменение советской государственной политики в отношении религиозных объединений в годы Великой Отечественной войны — от преследования к поиску возможности встроить религиозные организации в государственную систему и идеологию — уже обсуждался российскими и зарубежными учеными.

Полноправными субъектами правоотношений государства и церкви выступают и государство в лице его институтов, и церковь как совокупность сложных вертикальных и горизонтальных связей, физических и юридических лиц, соединенных вероучением и сводом канонического права — собственной правовой системой. Игнорирование этого факта приводит к сложностям при осуществлении правового регулирования и к падению уровня правосознания верующих¹.

Насколько использование религии в идеологических целях соответствует внутренним установлениям религиозных объединений? История знает множество примеров исполнения религией политических функций, включая придание легитимности различным формам политического устройства и власти как таковой. Религия нередко идет рука об руку с идеологией, она исполняет консолидирующую функцию, формирует общественные структуры, мораль и общее культурное пространство.

По С. Хантингтону, влияние культурных различий может быть гораздо большим, чем политики или экономики². К. Шмитт утверждал, что политические акторы могут лишь использовать в своих целях различные мотивы (экономические, культурные, религиозные), складывая из них собственные нарративы, сама политика не имеет отдельной предметной области³. С этим можно согласиться лишь до определенной степени⁴. В общественном сознании неполитические компоненты существуют автономно, однако могут использоваться и в политических целях.

¹ Петюкова О. Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917—1945 гг. М. : Юнити-Дана ; Закон и право, 2012. С. 27—32.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. С. 17.

³ Шмитт К. Понятие политического // Социология власти. 2011. № 8. С. 182.

⁴ Смирнова Е. В. Религия и идеология в современном обществе // Религиоведческие исследования. 2017. № 2 (16). С. 118.

Хотя в Новое время влияние религии на политические процессы в европейских странах снижалось, трансформация политических систем привела к появлению «политических религий». Они воспринимают окружающий мир в парадигме противостояния «своих» и «чужих», причем своими сторонниками считают всех, кто их поддерживает, включая представителей других религиозных направлений и неверующих⁵. Все происходящие в мире события рассматриваются как отражение событий сакрального характера⁶, конфликты реального мира соотносятся с духовной битвой между светом и тьмой, а войны воспринимаются как «священные»⁷. По Э. Фёгелину, политические религии служат обоснованием национального единства, придавая квазирелигиозное измерение политическому порядку⁸.

Ряд исследователей говорят о явлении политической религии с точки зрения намерений политических акторов воспользоваться религией в своих целях⁹. Либо можно говорить о политизации религиозной системы лишь в том случае, когда сами религиозные организации используют политический инструментарий для того, чтобы решить определенные собственные задачи¹⁰. Некоторые ученые полагают, что формирование гражданской религии в государстве, напротив, снижает уровень политизации религиозных традиций. Одновременно в обществах с явным преобладанием гражданской религии снижается и уровень религиозности¹¹.

Византийская православная модель предполагала, что империя имеет «все-ленское» измерение, объединяя множество народов и культур. Славянские народы усвоили византийскую имперскую идеологию, однако переложили ее в терминах христианской нации, образовав национальные православные церкви¹². Но начиная с конца XIX — начала XX в. в православных церквях Восточной Европы из смеси византийской имперской идеологии, секулярного национализма и идей Просвещения конструируется новое понимание национальной церкви.

Термин «святая Русь» не является исключением, он переосмысливается в категориях светского «духа нации»¹³. В приведенном контексте представляется логичным говорить об особенностях государственно-религиозных отношений в

⁵ *Мацевич И. В., Семедов С. А.* Политические религии в современном мире // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 36—49.

⁶ *Митрофанова А. В.* Религия и политика: основные формы взаимодействия // Религия и письменность как факторы формирования славянской культуры : сборник докладов XXIII Международных Кирилло-Методиевских чтений. Минск, 2018. С. 224—225.

⁷ *Juergensmeyer M.* Sacrifice and Cosmic War // *Violence and the Sacred in the Modern World*. London : Taylor & Francis, 1992. P. 112.

⁸ *Opitz P.* Eric Voegelins Politische Religionen. Kontexte und Kontinuitäten // *Occasional Papers*. XLVII. München : Ludwig-Maximilians-Universität, 2005. S. 6—9.

⁹ *Tibi B.* The Challenge of Fundamentalism. Political Islam and the New World Disorder. Berkeley : University of California press, 1998. P. 37.

¹⁰ *Мацевич И. В., Семедов С. А.* Указ. соч. С. 36—49.

¹¹ *Митрофанова А. В.* Религия и политика: основные формы взаимодействия. С. 224—225.

¹² *Шмеман А., прот.* Знаменательная буря. Несколько мыслей об автокефалии, церковном Предании и экклезиологии // А. Шмеман, прот. Собр. статей. 1947—1983. М. : Русский путь, 2009. С. 550—573.

¹³ *Каллист (Уэр), еп.* Ни иудея, ни эллина // Страницы. 2013. 17:2. С. 229—238.

СССР в период Великой Отечественной войны. Образы «святой Руси» и обращение к русской истории и культуре, акцент на духовном наследии и преемственности поколений, народности (как усиленного и концентрированного духа нации)¹⁴ становятся составляющей патриотического дискурса. Со стороны церкви встречным движением стала поддержка государственной политики и активное развитие патриотической деятельности.

В годы войны одним из основных нормативных правовых актов, регулировавших правоотношения государства и религиозных объединений, оставался декрет Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»¹⁵. В продолжение этого в 1929 г. было издано постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях»¹⁶. Постановление предполагало запрет на различные виды деятельности, осуществлявшиеся религиозными организациями. Фактически им разрешалось лишь непосредственное «отправление культа». В СССР отсутствовал закон о свободе совести, регулирование отношений государства и религиозных объединений было противоречивым и несистемным: помимо нормативных правовых актов, оно включало различные ведомственные инструкции и указания, которые нередко противоречили друг другу.

Говоря о причинах смены вектора государственной религиозной политики в годы Второй мировой войны, обычно упоминают аргумент о том, что большую роль в этом сыграла активная деятельность церкви, которая, несмотря на продолжающиеся гонения, призвала верующих принять участие в борьбе с фашизмом¹⁷.

Подробный разбор темы патриотической деятельности РПЦ представлен в работах отечественных исследователей — О. Ю. Васильевой, А. Н. Марченко, М. И. Одинцова, Т. А. Чумаченко, М. В. Шкаровского. Они отмечают, что особенно масштабный характер церковная благотворительная деятельность приобрела после избрания патриарха Сергия (Страгородского). Церковь объявила сбор средств на авиаэскадрилью «Александр Невский», танковую колонну «Дмитрий

¹⁴ См.: *Исаев И. А.* Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 122—130.

¹⁵ Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.

¹⁶ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929 «О религиозных объединениях» // СУ РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

¹⁷ *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь в 1943—1957 годах // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 36—56 ; *Его же.* Русская православная церковь и религиозная политика Советского государства в годы войны // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 26—53.

Донской», организовала отчисления в патриотические фонды¹⁸. Почти все православные приходы начали сбор пожертвований и ценных предметов¹⁹.

Описываемые исследователями суммы церковных пожертвований на военные нужды представляются весьма значительными²⁰. По данным Синода РПЦ, к концу 1944 г. общая сумма церковных отчислений составила более 200 млн рублей²¹. Вместе с тем были высказаны обоснованные сомнения в достоверности некоторых цифр, приводимых в церковных отчетах и телеграммах. А. Н. и Н. А. Марченко показывают их неоднозначность на примере духовенства Молотовской епархии, ссылаясь на низкий уровень его благосостояния²². Священники перечисляли огромные суммы на помощь государству, однако очевидно, что основную часть средств за них вносила община, доставая деньги из церковной казны²³. При этом церковь как структура накануне войны была практически разгромлена. Количество уцелевших храмов и духовенства составляло менее 5 % от их количества в 1920-х гг.²⁴ Тем не менее эта деятельность была крайне востребованной, и государство было готово сделать церковь частью общего патриотического народного движения.

Хотя в свете коммунистической теории религия выступает иллюзорной надстройкой, порождаемой несовершенным экономическим базисом²⁵, в ходе идеологического поворота от большевистского интернационализма к национально-патриотической риторике власть предложила рассматривать церковь в качестве опоры государственности.

Внутри самой церкви в годы войны также появляется ряд легенд, связывающих основные победы Красной армии (под Москвой, в Курской и Сталинградской битвах) с помощью свыше. Фольклорные истории включали описание тайных посещений И. В. Сталиным блаженной Матроны Московской, облет вокруг Москвы с

¹⁸ *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943—1948 гг. М. : Ин-т рос. Истории РАН, 2001. С. 69 ; *Одинцов М. И.* Власть и религия в годы войны (государство и религиозные организации СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). М. : РАГС, 2005. С. 140 ; *Марченко А. Н.* Благотворительная деятельность Русской православной церкви в Советском государстве (1918—1964-е гг.) // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. № 15 (116) ; *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие. 1941—1961 гг. М. : АИРО-XX, 1999.

¹⁹ *Куроедов В. А.* Религия и церковь в Советском государстве. М. : Изд-во полит. литературы, 1981. С. 98.

²⁰ *Одинцов М. И.* Крестный путь патриарха Сергия: документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) // *Отечественные архивы*. 1994. № 2. С. 77—79.

²¹ Журнал Московской патриархии. 1944. № 12. С. 11.

²² *Марченко А. Н., Марченко Н. А.* Патриотическая деятельность православного духовенства Прикамья в годы Великой Отечественной войны по материалам телеграмм И. В. Сталину // *Вестник Пермского университета. Серия : История*. 2016. Вып. 2 (33). С. 123—129.

²³ Государственный архив Пермского края. Ф. Р-1205. Оп. 2. Д. 2. Л. 83.

²⁴ *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 гг.). М., 1999. С. 117—118.

²⁵ *Узланер Д.* Конец религии? История теории секуляризации. М. : ИД Высшей школы экономики, 2019. С. 191.

образом Тихвинской иконы Божией Матери и проч. В этом контексте излагалась и история о решении руководства СССР 1943 г. возродить патриаршество и реанимировать церковные структуры на советской территории.

В реальности политика И. В. Сталина, конечно же, носила вполне прагматичный характер и была продиктована не религиозными мотивами, а целым рядом внутренних и внешних причин. Патриотическая деятельность церкви выступала лишь одной из них²⁶. Государство учитывало и немалую степень влияния религии на граждан СССР. Как известно, данные переписи 1937 г., где респонденты должны были указать свое отношение к религии, показали неожиданные для властей результаты: 80 % ответили на вопрос о религии, из них верующих оказалось больше, чем неверующих — 56,7 % против 43,3 %²⁷. Советское и церковное руководство были проинформированы о том, что на оккупированных Германией территориях СССР религиозная тема также использовалась в идеологических целях, военная администрация не просто не препятствовала религиозной деятельности, но прямо ее поддерживала: ремонтировались и строились православные храмы, изготавливалась церковная утварь, возвращалось ранее отнятое советской властью имущество и т.д.²⁸

С точки зрения внешнеполитической целесообразности, как отмечает О. Ю. Васильева, изменение государственной политики было продиктовано планами Сталина утвердить советское присутствие в Европе²⁹. Встреча И. В. Сталина с церковными иерархами в начале сентября 1943 г. также была связана с подготовкой Тегеранской конференции и надеждой повлиять на открытие «второго фронта» при посредничестве Англиканской церкви³⁰.

Все перечисленные обстоятельства привели к тому, что советская власть, формально по-прежнему руководствуясь марксистско-ленинским подходом к религии, в период войны увидела в РПЦ союзника. В этой новой повестке церковь должна была выступить идеологическим институтом, призывающим народ сплотиться для победы над врагом³¹. В результате этих событий в 1943 г. был созван Архиерейский собор, избравший патриархом митрополита Сергия (Страгородского). В том же году был учрежден Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. Его деятельность обеспечила постоянный государственный надзор за религиозной сферой. Совет осуществлял на практике регулирование

²⁶ Шкаровский М. В. Русская православная церковь и религиозная политика Советского государства в годы войны // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 30.

²⁷ Жиромская В. Б. Религиозность народа в 1937 г. (по материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. Воронеж, 2000. № 5 (1). С. 105—114.

²⁸ Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943—1965 гг. СПб., 2013. С. 35.

²⁹ Васильева О. Ю. Указ. соч. С. 52.

³⁰ Шкаровский М. В. Русская православная церковь и религиозная политика Советского государства в годы войны. С. 34.

³¹ Марченко А., прот., Федотова И. Ю., Георгия (Братчикова), монахиня, Марченко Н. А. Русская православная церковь в Прикамье в годы Великой Отечественной войны. Пермь : Астер, 2015. С. 264.

взаимоотношений государства и церкви через правовые акты, но также использовал и неправовые механизмы, что соответствовало потребностям советской политико-правовой системы. Сложился своеобразный формат государственно-церковного взаимодействия, включающий взаимные обязательства сторон, различные устные договоренности, при этом их инициатором в основном выступало государство, направляющее и контролирующее церковную жизнь.

Уже в течение первого года работы Совета Совнарком принял более 10 правовых актов, касающихся сферы деятельности религиозных организаций. Секретными постановлениями вносились изменения в постановление 1929 г.³²

К концу войны фактически сформировалась новая структура и система управления Русской православной церковью (и официально закрепилось само это наименование), которая действовала до конца СССР. Она создавалась под самым непосредственным и постоянным контролем со стороны советской власти, и в том числе стоила церкви большого количества непростых компромиссов. Это касалось как участия в кампаниях прославления И. В. Сталина, поддержки курса партии и правительства, так и направляемой государством активности на международном направлении, а впоследствии оказало существенное влияние и на правовое регулирование государственно-религиозных отношений в Российской Федерации. Впрочем, как справедливо отмечает В. Г. Румянцева, использование института принуждения не означает полной неспособности объекта воздействия проявить свою волю³³.

В 1940-е гг. в СССР происходит переход от дореволюционной модели «симфонии» государства и господствующей церкви (и затем с 1917 г. — двух с половиной десятилетий прямой конфронтации) к своего рода «полифонической» модели, в которой атеистическое государство допускает существование религиозных объединений, но при этом само устанавливает правила взаимодействия и играет ведущую роль. Советская власть осознает религию в целом и Русскую православную церковь в частности в качестве реальной социальной силы (в ряду других социально-политических акторов), которую необходимо учитывать и контролировать.

Государство на этом этапе отказывается от прямой борьбы и переходит к созданию новых механизмов координации религиозных процессов. Таким образом в сталинский и последующие периоды существования СССР церковь оказывается встроенной в систему государственного управления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943—1948 гг. — М. : Ин-т рос. Истории РАН, 2001. — 216 с.

³² *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь и религиозная политика Советского государства в годы войны. С. 46.

³³ *Румянцева В. Г.* «Власть должна быть ограничена правом во имя справедливости» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 207—209.

2. *Жиромская В. Б.* Религиозность народа в 1937 г. (по материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. — Воронеж, 2000. — № 5 (1). — С. 105—114.
3. *Исаев И. А.* Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 4. — С. 122—130.
4. *Каллист (Уэр), еп.* Ни иудея, ни эллина // Страницы. — 2013. — 17:2. — С. 229—238.
5. *Куроедов В. А.* Религия и церковь в Советском государстве. — М. : Изд-во полит. литературы, 1981. — 263 с.
6. *Марченко А. Н.* Благотворительная деятельность Русской православной церкви в Советском государстве (1918—1964-е гг.) // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2008. — № 15 (116). — 156 с.
7. *Марченко А. Н., Марченко Н. А.* Патриотическая деятельность православного духовенства Прикамья в годы Великой Отечественной войны по материалам телеграмм И. В. Сталину // Вестник Пермского университета. Серия: История. — 2016. — Вып. 2 (33). — С. 123—129.
8. *Марченко А., прот., Федотова И. Ю., Георгия (Братчикова), монахиня, Марченко Н. А.* Русская православная церковь в Прикамье в годы Великой Отечественной войны. — Пермь : Астер, 2015. — 416 с.
9. *Мацевич И. В., Семедов С. А.* Политические религии в современном мире // Вестник Института социологии. — 2012. — № 4. — С. 36—49.
10. *Митрофанова А. В.* Религия и политика: основные формы взаимодействия // Религия и письменность как факторы формирования славянской культуры: сборник докладов XXIII Международных Кирилло-Мефодиевских чтений. — Минск, 2018. — С. 224—225.
11. *Одинцов М. И.* Власть и религия в годы войны (государство и религиозные организации СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). — М. : РАГС, 2005. — 540 с.
12. *Одинцов М. И.* Крестный путь патриарха Сергия : документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) // Отечественные архивы. — 1994. — № 2.
13. *Одинцов М. И., Чумаченко Т. А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943—1965 гг. — СПб., 2013. — 372 с.
14. Патриарх Сергей и его духовное наследство. — М. : Изд-во Московской патриархии, 1947. — 416 с.
15. *Петюкова О. Н.* Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917—1945 гг. — М. : Юнити-Дана ; Закон и право, 2012. — 350 с.
16. *Румянцева В. Г.* «Власть должна быть ограничена правом во имя справедливости» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 6. — С. 207—209.
17. Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. — М. : Московская патриархия, 1943. — 99 с.
18. *Смирнова Е. В.* Религия и идеология в современном обществе // Религиоведческие исследования. — 2017. — № 2 (16). — С. 108—120.

19. Узланер Д. Конец религии? История теории секуляризации. — М. : ИД Высшей школы экономики, 2019. — 304 с.
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М. : АСТ, 2003. — 603 с.
21. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь и верующие. 1941—1961 гг. — М. : АИРО-XX, 1999. — 246 с.
22. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в 1943—1957 гг. // Вопросы истории. — 1995. — № 8. — С. 36—56.
23. Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 гг.). — М., 1999. — 423 с.
24. Шмеман А., прот. Знаменательная буря. Несколько мыслей об автокефалии, церковном Предании и экклезиологии // А. Шмеман, прот. Собр. статей. 1947—1983. — М. : Русский путь, 2009. — С. 550—573.
25. Шмидт К. Понятие политического // Социология власти. — 2011. — № 8. — С. 173—190.
26. Juergensmeyer M. Sacrifice and Cosmic War // Violence and the Sacred in the Modern World. — London : Taylor & Francis, 1992. — 153 p.
27. Opitz P. Eric Voegelins Politische Religionen. Kontexte und Kontinuitäten // Occasional Papers. XLVII. — München : Ludwig-Maximilians-Universität, 2005. — 75 p.
28. Tibi B. The Challenge of Fundamentalism. Political Islam and the New World Disorder. — Berkeley : University of California Press, 1998. — 262 p.

